

‘ДУША’ КАК КЛЮЧЕВОЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КИНОПОВЕСТИ В. М. ШУКШИНА «КАЛИНА КРАСНАЯ»

Т. А. Яценко, О. П. Сахно

В статье рассматривается ключевая роль концепта ‘Душа’ в повести В. Шукшина «Калина красная» и его взаимосвязь с другими центральными концептами русской культуры.

Ключевые слова: ключевой культурный концепт, пересечение концептов, метафора ‘Души’

У статті розглянуто ключову роль концепту ‘Душа’ у повісті В. Шукшина «Калина красная» та його взаємозв’язок з іншими центральними концептами російської культури.

Ключові слова: ключовий культурний концепт, перехрещення концептів, метафора ‘Душі’

The article deals with the vital role of the concept ‘Soul’ in the story by V. Shukshyn “Red viburnum” and it’s intersection with some central concepts of Russian Culture.

Key words: vital cultural concept, the intersection of the concepts, metaphor of the ‘Soul’

Обращение к исследованию концепта как базового понятия когнитивной лингвистики и как основы языковой картины мира стало одним из приоритетных направлений развития современного языкознания (Г.Х. фон Вригт, З. Вендлер, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Т.А. Космеда, Л.Н. Синельникова, Е.А. Селиванова, Г.Ю. Богданович и др.). В концептосфере русского языка, которую мы, вслед за Д.С. Лихачевым [1], рассматриваем как совокупность концептов, центральное место занимает концепт ‘Душа’ (А. Вежбицкая, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Л.Ю. Буянова, А.Р. Ерошенко, Н.Н. Арват и др.). Образной составляющей данного концепта посвящены многие современные исследования (Н.Д. Арутюнова, М.Ю. Михеев, Е.В. Урысон, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, В.А. Успенский, Н.Н. Арват и др.). Основы этих исследований в славистике были заложены еще в трудах А.А. Потемби и А.Н. Афанасьева. При всей многоаспектности и глубине работ в данной области некоторые вопросы остаются спорными. К их числу, на наш взгляд, относятся: определение концептосферы, общечеловеческое и национальное в концептосфере, выявление зон пересечения концептов в пределах национальной концептосферы, соотношение между концептосферами художественного дискурса и национальной культуры в целом. Вопрос о зонах пересечения концептов отчасти был рассмотрен нами в статье «Пересечение культурных концептов: ‘Радость’, ‘Цель’ и ‘Причина’» [2]. Метафорическая парадигма ‘Неволи’ в индивидуальном концепте была представлена на материале публицистики А.И. Герцена [3].

Материалом для данного исследования послужила киноповесть В.М. Шукшина «Калина красная», обращение к которой объясняется тем, что концептосфера произведения в значительной мере отражает концептосферу русского национального сознания.

Новизна работы состоит в следующем: 1) устанавливается соотношение между содержанием и образным представлением концепта ‘Душа’ в конкретном художественном дискурсе и русской концептосфере; 2) обосновывается ключевая роль данного концепта на материале текста; 3) выявляется роль концепта ‘Душа’ при мотивации развития событий в повести.

Цели статьи: 1) обосновать ключевую роль концепта ‘Душа’ в анализируемом произведении; 2) установить взаимосвязь концептов ‘Душа’ и ‘Причина’.

При всем разнообразии определений концепта ‘Душа’ мы вполне разделяем мнение Ю.С. Степанова, что лучшее из них было дано еще в «Словаре» В.И. Даля: «**Душа**» ж. бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении // человек с духом и телом; в более тесном: // человек без плоти, бестелесный по смерти своей; в смысле же теснейшем: // жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа (...). *Душа* также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр. *Душа есть бесплотное тело духа*; в этом значении *дух* выше *души* [4, с. 504]. Общеизвестно, что корень слов *душа* и *дух* соотносится с *дыханием*, *дуновением*, *воздухом* и принадлежит к числу самых древних корней, в которых, как правило, и заключаются наиболее устойчивые народные представления о самом жизненно важном. В исследуемом нами материале можно говорить об актуализации значений ‘жизненное существо человека’, ‘душевные и духовные качества’, ‘внутреннее чувство’.

Неотъемлемой составляющей культурного концепта является его образность [5]. При высоком уровне абстрактности анализируемого концепта в художественном тексте он оказывается неразрывно связанным именно с образным, оценочно-ассоциативным представлением. В работах названных выше авторов выделены следующие наиболее типичные образы Души (включая мифологию и фразеологию): 1) огонь; 2) воздух, дыхание (см. также: дым, пар); 3) птица, летающее существо; 4) представление о загробном мире; предки; 5) ребенок; 6) вместилище и в то же время его содержимое; «пленница тела»; 7) сущность, основа чего-нибудь; 8) «сокровенный» человек, *Alter ego*; 9) особо чувствительный орган; 10) нечто, располагающееся на горизонтальной поверхности; 11) залог в отношении со сверхъестественными силами; 12) двойник человека – как ‘Судьба’ и ‘Доля’.

Концепт ‘Душа’ определяется нами как ключевой (т.е. смысло- и системообразующий) в концептосфере повести В.М. Шукшина, что доказывается следующим: 1) практически весь набор сем,

заклученный в значении концепта и его образных представлениях, реализован в тексте; 2) данный концепт является основным в раскрытии характеров главных героев и в мотивации большинства сюжетных коллизий; 3) именно концепт 'Душа' оказывается непосредственно связанным с другими важнейшими концептами произведения.

1. Исследование языка «Калины красной» показало, что преобладающими являются образы особо чувствительного органа, «сокровенного» человека, «пленницы тела» и птицы. В представлении 'Души' как особо чувствительного органа доминирует сема 'боли' и 'страдания': *многострадальная душа, болит душа, ноет душа, плачет душа, перемогаться душой, душа больно толкается в груди, жечь душу, от нежности содрогнулась душа*. Эта многократно повторяющаяся 'боль души' не только соответствует драматизму характера Егора Прокудина и глубине переживаний Любви Байкаловой, но и подчеркивает семему «живое», столь существенную для русской концептосферы в целом и для анализируемого художественного дискурса – в частности. Известно, что в христианской традиции понятие души неразрывно связано с понятием «живое». «Важнейшей универсальной единицей субстанционально-семантической структуры ... суперконцепта «Душа» является, как видно из речевых реализаций, семема «живое» [6, с.206].

Душа как «сокровенный» человек [7, с.206], Alter ego [8, с.126] живет своей жизнью: она устает, нуждается в отдыхе. Желая выразить свое внутреннее состояние, Егор говорит чаще всего о душе: *душе нужен праздник, отдых душе устроить*. Душа предстает внутренним человеком, который мудрее, чем «внешний», поэтому у нее спрашивают совета, считают, что к ее голосу надо прислушиваться. Так, например, свое решение ехать из села Ясное в райгород Егор так и объясняет: *Останусь один и спрошу свою душу. Мне надо, Люба*. И Люба отвечает: *Делай, как тебе душа велит, Егор*.

'Душа' представляется одновременно и как «вместилище» [см.: 7, с.147-150] чувств, эмоций: *вспомнилась в душе какая-то радость, жило в душе предчувствие, тревога вкралась ей в душу* и как содержимое «вместилища»: – *Нет, она плачет! – остервенело сказал Егор. – Плачет! Тесно ей там – плачет!..* Душа предстает здесь «пленницей тела». Образ «пленницы» тела перекликается с образом птицы в клетке: *она (душа) устала в клетке*. Кстати, взаимное наложение образов (или фреймов) в мифологических представлениях о душе, отмеченное М. Михеевым, довольно часто встречается и в нашем материале.

Встречается также в тексте образ, связанный с мифологемой «душа – маленький ребенок», характерной для славянской культуры [7, с.56; 9, с.211]: *В глазах появился тот беспокойный блеск, который свидетельствовал, что душа его тронулась и больно толкается в груди*. Душа как «нечто, располагающееся на горизонтальной поверхности» со взваленным грузом [7, с.154], представлена в исследуемом материале фразеологизмом *на душе сделалось легче*.

2. Преобладающим объяснением поступков главных героев является «голос их души». Общепринятая мотивация действий, причинное объяснение чувств, состояний практически отсутствует. Вообще «причинность» представляется неопределенной, не осознаваемой до конца. Это очень выразительное подтверждение положения о том, что разнообразные способы лексико-грамматического выражения неопределенности в русском языке и частотность их употребления отражают в какой-то степени особенности национального менталитета [10;11]. Приведем примеры: *Чего загрустил, Егорша? – спросила Люба. – Так... – неопределенно сказал Егор*. Причем значение неопределенности может получить усиление при использовании разных лексико-грамматических средств: *Все же хотелось ему освоиться среди этих людей, почему-то теперь хотелось. Люба, что ли?..* Неопределенность сопутствует и выражению цели: – *Я некрасивый, – зачем-то сказал Егор*. Именно состоянием души объясняются главные события в повести. Образный сценарий 'души-птицы' является ключевым для понимания эпизода встречи Егора с воровской «малиной» сразу после освобождения из тюрьмы. Так, суть конфликта с Губошлёмом, главарём банды, заключается в столкновении живой души Егора (души-птицы, которая плачет и мучается стеснением клетки, души-голубки), танцующей Люсьен («как птица била крыльями – чтобы отлететь») и цинизма Губошлёпа, которого «живая душа» больше всего злит и беспокоит: *По темечку ее... Прутиком (...) Она успокоится*.

3. Анализ текста показал, что и другие важнейшие концепты русской ментальности ('Любовь', 'Жалость', 'Радость', 'Тоска', 'Воля') раскрываются в непосредственной соотнесенности с концептом 'Душа'. Для героини повести любовь, переплетенная с жалостью (вполне естественная для ее глубоко народного характера), проявляется в боли души: *И я уж не знаю: то ли я его люблю, то ли мне его жалко. А вот болит душа – и все*. У Егора, собравшего в райгороде народ для «разврата», во время телефонного разговора с Любой «так искренне, так душевно» вырываются ласковые слова, и он переживает глубокое потрясение, осознавая свою любовь: *У меня только что от нежности содрогнулась душа*. На «банкете» он произносит длинную и внешне совершенно бессвязную речь (она, кстати, заслуживает особого внимания и анализа как выражение «скрытого Я»), в которой ключевыми словами, заключающими весь внутренний смысл, являются: *душа, нежность, жалость и любовь*. Это «русский размах души» и жажда всеобщей любви: *Люди!.. давайте любить друг друга! – Егор почти закричал это*.

Концепт 'Воля', пожалуй наиболее полно описанный в современных работах [11], в тексте повести также непосредственно связан с концептом 'Душа': это и «плачущая душа», которой тесно (слова Егора сопровождаются очень русским жестом «освобождения души» – «рванул рубаху»), это и осознание мучительного беспокойства души, чующей волю: *Душа у меня... наскипидаренная какая-то, Михайлыч. Заведет она меня куда-нибудь. Как Волю почует, так места себе не могу найти*.

Выводы:

1. Ключевая роль концепта 'Душа' в повести В.М. Шукшина «Калина красная» подтверждается: а) реализацией в тексте практически всего набора сем, заключенных в значениях концепта-слова и его образного представления; б) его взаимосвязью с концептами 'Любовь', 'Жалость', 'Радость', 'Воля'.

2. Причинное объяснение важнейших событий в повести невозможно без обращения к концепту 'Душа', что представляется типичным для русского менталитета.

Литература:

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С.28-37.
2. Яценко Т.А. Пересечение культурных концептов: 'Радость', 'Цель' и 'Причина' // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. – Серия «Филологические науки». – 2002. – Т.15 (54). – №4. – С.18-31.
3. Яценко Т.А. Концептуальная метафора каузальности (каузирование неволи) // Культура народов Причерноморья. – 2002. – №34. – С.76-79.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1. – М.: «Русский язык», 1978. – 699 с.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128с.
6. Буянова Л.Ю., Ерошенко А.Р. Константы «Жизнь», «Душа», «Любовь» как основа русской ментальности и культуры: специфика вербализации // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. – СПб, 30 июня – 5 июля 2003г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений / Под ред. Н.О. Рогожиной, В.В. Химика, Е.Е. Юркова. – СПб: Политехника, 2003. – С.204-209.
7. Михеев М.Ю. «Душа» в наивной мифологии русского языка // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С.145-158.
8. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1993.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие/Тетра Системс. – Минск, 2004. – 256с.
10. Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств (1976) // Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. – М., 1998.
11. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. – 481с.
12. Шукшин В.М. Калина красная. – Йошкар-Ола, 1983.